

Международное строительное право

Академическая монография

Автор: Белкин Дмитрий
Семёнович (ORCID:
<https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>)

Славяно-Греко-Латинская
академия, кафедра
международного права, доцент,
Москва, Россия. E-mail:
dmitryb81@gmail.com

DOI: 10.64457/icl.ru.ch4

Институциональные контуры *Lex constructionis*: теория унификации юрисдикционных механизмов в международном строительном праве

Рекомендуемая ссылка: Белкин Дмитрий Семёнович Институциональные контуры *Lex constructionis*: теория унификации юрисдикционных механизмов в международном строительном праве // МЕЖДУНАРОДНОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Москва: Славяно-Греко-Латинская Академия, 2025. DOI: 10.64457/icl.ru.ch4.

«*Lex constructionis*» позиционируется как следующая ступень после «*lex mercatoria*» и направлена на унификацию юрисдикционных принципов международных строительных контрактов. Глава демонстрирует источники концепции, разграничивает материальные и процессуальные нормы, классифицирует юрисдикционные оговорки (исключительные, неисключительные, асимметричные) и исследует критерии арбитрабильности. Сравнительно-правовой анализ судебной

и арбитражной практики России, ЕС и специализированных трибуналов показывает, что применение «*Lex constructionis*» снижает транзакционные расходы, повышает предсказуемость споров и гармонизирует автономию воли сторон с требованиями публичного порядка. Итогом становится систематизированный набор принципов, пригодных для кодификации в рамках МФИК и иных международных стандартов.

Международное строительное право (МСП) целесообразно понимать как межотраслевой комплекс норм международного публичного права, международного частного права и национального гражданского права, регулирующих трансграничные строительные и инфраструктурные проекты при неукоснительном уважении суверенитета государств и их публичных интересов. Международное публичное право задаёт рамки допустимого поведения государств при использовании территории и природных ресурсов, закрепляет обязательства в сфере безопасности, охраны окружающей среды и защиты прав человека и занимает приоритетное положение по отношению к частноправовым конструкциям. Международное частное право и нормы гражданского законодательства, применимые к предпринимательской и иной экономической деятельности, конкретизируют эти установки в договорной плоскости, определяя, каким образом распределяются риски, обязанности и ответственность между инвесторами, государственными и частными заказчиками, подрядчиками и иными участниками. Внутри этого комплекса международное строительное контрактное право (МСКП) охватывает содержание международных строительных контрактов, включая типовые условия МФИК, а также договорные и арбитражные механизмы разрешения споров. в настоящей главе термин «*Lex constructionis*» используется как условное обозначение складывающегося в рамках МСКП набора юрисдикционных и договорных подходов, которые могут применяться к международным строительным отношениям постольку, поскольку они согласуются с императивными нормами международного права и внутреннего правопорядка государств.

В иностранной доктрине термин «*Lex constructionis*» предлагается как условное продолжение подхода «*lex mercatoria*» и используется для

обозначения попыток унификации юрисдикционных принципов, применяемых в международных строительных контрактах (Жариков, 2025). в настоящей главе рассматриваются доктринальные и практические источники этой концепции, предлагается разграничение материальных и процессуальных норм, анализируется классификация юрисдикционных оговорок (исключительных, неисключительных, асимметричных) и критерии арбитрабильности. На основе сравнительно-правового анализа судебной и арбитражной практики России, права Европейского союза и специализированных международных арбитражных институтов оценивается, в какой мере использование элементов «*Lex constructionis*» позволяет снизить транзакционные издержки, повысить предсказуемость разрешения споров и согласовать автономию воли сторон с требованиями международного и национального публичного порядка. в завершение формулируется систематизированный набор принципов, который может рассматриваться как доктринальная основа для дальнейшей кодификационной работы в рамках МФИК и других международных стандартов в строительной сфере.

Международные строительные проекты, как правило, реализуются на территориях нескольких государств, что порождает сложные вопросы о том, право какого государства подлежит применению к договору и юрисдикция каких органов компетентна разрешать споры между участниками проекта. в доктрине под «*Lex constructionis*» предлагается понимать формирующийся комплекс транснациональных принципов и стандартных решений в сфере строительных контрактов, вытекающих из арбитражной практики, типовых условий договоров и актов «мягкого» права по аналогии с концепцией «*lex mercatoria*» в международной торговле. Предполагается, что при всех различиях национальных правопорядков вырабатывается определённый минимум универсальных подходов к распределению рисков, к выбору применимого права и к механизмам рассмотрения споров. Юрисдикционный аспект – правила о применимом праве, выборе форума для разрешения споров и исполнении судебных и арбитражных решений – образует ядро дискуссий о «*Lex constructionis*». Вместе с тем достижение полного единства в юрисдикционных принципах затруднено, поскольку каждое государство закрепляет в своём праве

императивные нормы и требования публичного порядка, которые ограничивают свободу усмотрения сторон. в данной главе анализируется, в какой мере «Lex constructionis» может служить доктринальной основой для сближения юрисдикционных подходов в международном строительном контрактном праве, обеспечивая большую предсказуемость и эффективность механизмов разрешения споров в трансграничных проектах. Особое внимание уделяется противоречиям между автономией воли сторон и публично-правовыми ограничениями, роли стандартных форм договоров и арбитража, а также примерам разрешения юрисдикционных коллизий в практике. Проводимый анализ позволяет очертить складывающуюся институциональную архитектуру юрисдикции в глобальном строительстве и выявить ключевые принципы, применение которых повышает юридическую определённость и снижает издержки регулирования споров для участников проектов.

Каждое государство традиционно стремится применять к строительным договорам собственное материальное и процессуальное право, что в условиях трансграничных проектов приводит к фрагментации правового регулирования и снижению предсказуемости для участников. Стороны из разных юрисдикций нередко расходятся во взглядах на то, какое право и какой орган должны рассматривать спор, а несогласованность национальных норм способна затруднить реализацию проекта. в частности, требования законодательства о государственных закупках или императивные нормы строительного права могут вступать в противоречие с условиями стандартных международных контрактов. в литературе это описывается как противоречие между публично-правовыми началами и диспозитивными коммерческими принципами в строительных договорах: типовые условия МФИК не всегда совпадают с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, что приводит к возникновению коллизионных ситуаций (Брайг, Мутай, 2016). Во многих правопорядках международные договорные обычаи и транснациональные принципы не признаются источниками права, если они не имплементированы через национальное законодательство или международные договоры. Российская правовая система исходит из конституционной модели соотношения международного

и внутригосударственного права, при которой международные договоры Российской Федерации действуют в рамках национальной правовой системы, но не подменяют собой федеральные законы за пределами сферы договорного регулирования и общепризнанных принципов и норм (Кремнев, 2021). в этих условиях негосударственные транснациональные нормы и доктринальные конструкции, включая «*Lex constructionis*», не обладают статусом источников права Российской Федерации; даже при наличии в контракте арбитражной оговорки или ссылки к стандартам МФИК их применение ограничено требованиями российского публичного порядка и императивными нормами национального законодательства.

Одной из ключевых коллизионных проблем является выбор применимого права. в международных строительных контрактах, где инвестор, заказчик и подрядчик могут быть резидентами разных государств, возникает вопрос, право какого государства должно регулировать соответствующие договорные отношения. Различия в национальных коллизионных нормах приводят к тому, что один и тот же договор при рассмотрении в разных юрисдикциях может подчиняться различному праву, что подрывает предсказуемость правоприменения. в российской литературе подчёркивается, что отсутствие согласованного подхода к выбору права для международных строительных соглашений способствует росту юридической неопределенности и числа споров (Гурина, 2016). Стороны, как правило, включают в договор оговорку о применимом праве, однако объём автономии воли в этой части не является одинаковым: некоторые государства устанавливают обязательное применение своего права к отдельным категориям договоров, включая государственный подряд, независимо от договорённости сторон. Схожие проблемы возникают и при выборе форума для разрешения споров: одна сторона может настаивать на рассмотрении спора в национальном суде, другая – на передаче дела в нейтральный международный арбитраж. При отсутствии чётких и согласованных договорных оговорок о применимом праве и компетентном органе рассмотрения спора возрастаёт риск параллельных разбирательств и юрисдикционных конфликтов, что объективно удлиняет процедуру разрешения спора и увеличивает её стоимость.

Даже при наличии в контракте арбитражной оговорки национальные различия в подходах к арбитрабельности споров и содержанию публичного порядка продолжают создавать существенные препятствия. Во многих юрисдикциях установлен перечень категорий споров, которые не могут быть переданы в арбитраж, например споров, затрагивающих вопросы коррупции, антимонопольного регулирования или права третьих лиц. Ряд государств долгое время исключал возможность арбитража по контрактам с участием публичных субъектов, предписывая рассмотрение соответствующих споров исключительно в государственных судах, либоставил передачу спора в арбитраж в зависимость от соблюдения специальных досудебных процедур (обязательное претензионное урегулирование и др.). Сравнительное изучение национальных режимов интеграции международных механизмов разрешения споров показывает значительную вариативность: одни государства вырабатывают благоприятный режим для исполнения иностранных арбитражных соглашений и решений, другие чаще используют оговорку о публичном порядке как основание для отказа в признании или приведении в исполнение. в результате арбитражное решение может быть не приведено в исполнение, если суд государства места исполнения придёт к выводу, что при его вынесении были проигнорированы фундаментальные императивные нормы, например обязательные строительные стандарты, правила лицензирования или иные элементы национального публичного порядка.

Исполнение иностранных судебных решений в трансграничном контексте существенно осложнено тем, что, в отличие от арбитражных решений, для которых действует практически универсальный режим Нью-Йоркской конвенции 1958 года, в отношении судебных актов до настоящего времени не сложился сопоставимый по охвату многосторонний договорный механизм: существующие Гаагская конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 года и Конвенция 2019 года о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений имеют ограниченный круг участников и пока не обеспечивают глобальное применение. Полученное подрядчиком решение суда одного государства может не быть признано в юрисдикции, где расположено имущество должника, что снижает практическую ценность такого

решения в международном обороте. Данная неопределённость объективно стимулирует стороны выбирать арбитраж, поскольку Нью-Йоркская конвенция 1958 года создаёт практически глобальный режим признания и исполнения иностранных арбитражных решений. Вместе с тем и в арбитраже действует оговорка о публичном порядке: арбитражное решение, которое фактически принуждает к исполнению договорных условий, противоречащих основополагающим нормам национального права (например, нормам безопасности строительства, антикоррупционному регулированию или правилам защиты прав третьих лиц), может быть отклонено судом на стадии приведения в исполнение по мотиву противоречия публичному порядку соответствующего государства.

Фрагментарность проявляется и в подходах к применению стандартных условий строительных контрактов. Типовые формы МФИК (Международной федерации инженеров-консультантов) широко рассматриваются как международный ориентир по распределению рисков и организации механизмов разрешения споров в строительстве, однако объём их юридически обязательной силы существенно различается в национальных правопорядках. в одних государствах условия МФИК принимаются как договорные положения, подлежащие применению в полном объёме, в других – подлежат адаптации к императивным нормам местного права, прежде всего в сфере публичных закупок и регулирования строительной деятельности (Варавенко, 2012). Отмечается, что в ряде стран континентального права (например, Германии и Франции) элементы международных стандартов нередко инкорпорируются в национальные кодифицированные акты, в том числе посредством переработки и обобщения положений, совпадающих по своей сути с условиями МФИК, тогда как государства с менее развитой нормативной базой иногда перенимают условия МФИК практически без изменений (Бакош, 2024). в результате одна и та же договорная оговорка МФИК – например, о сроках уведомления о заявлении требований или о начислении процентов за просрочку платежа – может считаться действительной и исполнимой в одной юрисдикции и признаваться недействительной либо подлежащей ограничительному толкованию

в другой, если она вступает в противоречие с императивными нормами или по-разному трактуется судами соответствующего государства.

Дополнительные затруднения вызывает применение многоуровневых (многоступенчатых) механизмов разрешения споров, предусматривающих последовательное прохождение нескольких стадий – переговоров, рассмотрения спора специальным органом и только затем арбитража. в условиях МФИК такой механизм реализуется, как правило, через обращение сторон в постоянно действующую или ад-хок Комиссию по урегулированию споров (Dispute Adjudication/Avoidance Board, DAB/DAAB) до передачи спора в арбитраж. Не все национальные правопорядки признают юридическую природу подобных органов и обязательную силу их решений. в России до недавнего времени отсутствовали специальные нормы, определяющие статус и исполнимость решений DAB/DAAB, а регулирование в сфере государственных закупок существенно ограничивает возможность возложения на независимого эксперта обязанности по обязательному досудебному урегулированию спора (Сулимов, 2024). в результате предусмотренный контрактом механизм DAB/DAAB на практике может игнорироваться или использоваться сторонами лишь формально, что вынуждает их переходить непосредственно к судебному или арбитражному разбирательству. Такая ситуация подрывает единообразие применения многоступенчатых процедур разрешения споров, которые в доктрине и в практике МФИК рассматриваются как важный элемент складывающегося комплекса «Lex constructionis».

Наконец, существенную роль играют политico-институциональные факторы, которые могут ограничивать возможности для унификации юрисдикционных подходов. Государства нередко стремятся сохранить контроль над спорами, связанными с крупными инфраструктурными проектами, апеллируя к соображениям государственного суверенитета и защиты стратегических интересов. в таких случаях, даже при наличии интереса иностранного подрядчика к нейтральному регулированию (выбор иностранного права и международного арбитража), публичный заказчик может настаивать на применении национального права и подсудности государственных судов или квазисудебных органов, что

объективно затрудняет реализацию тех подходов, которые в доктрине связываются с «*Lex constructionis*». Отмечается, что успешная имплементация и унификация международных норм в национальной практике во многом зависят от политической воли и готовности государств к сотрудничеству (Жадан, 2016). При отсутствии такой поддержки даже наиболее проработанные договорные и арбитражные механизмы остаются ограниченно востребованными на внутреннем уровне.

Несмотря на обозначенные ограничения, можно выделить ряд факторов, объективно способствующих сближению юрисдикционных принципов в международном строительном праве. Один из наиболее значимых факторов – широкое использование типовых контрактов, прежде всего условий МФИК, в крупных трансграничных проектах. Эти контракты, как правило, содержат стандартизованные юрисдикционные оговорки: они либо прямо закрепляют применимое материальное право, либо предоставляют сторонам структурированный выбор, а также предусматривают арбитражную оговорку по авторитетным международным регламентам (чаще всего арбитраж Международной торговой палаты) в сочетании с процедурой предварительного разрешения споров через DAB/DAAB. Длительная и географически широкая практика применения условий МФИК способствовала выработке относительно устойчивого подхода к разрешению строительных споров: заказчики, подрядчики и инженеры ориентируются на последовательную многоступенчатую модель «DAB/DAAB – арбитраж», а не на непосредственное обращение в местный суд. На доктринальном уровне такая практика рассматривается как один из ключевых эмпирических источников концепции «*Lex constructionis*», фактически формирующий обычай обращения к международному арбитражу по значимым спорам, независимо от страны реализации проекта. Дополнительно унифицирующее влияние оказывают многосторонние банки развития (например, Всемирный банк и Новый банк развития БРИКС), которые в условиях финансирования инфраструктурных проектов нередко рекомендуют или прямо предписывают использование контрактов на основе МФИК, тем самым закрепляя соответствующие

юрисдикционные решения в практике различных регионов (Варавенко, Ниязова, 2022).

Ещё одним интегрирующим механизмом выступает международный коммерческий арбитраж и формирующаяся вокруг него правовая инфраструктура. Арбитраж обеспечивает нейтральный форум, имеющий ключевое значение для трансграничных проектов, в которых стороны опасаются возможной предвзятости государственных судов контрагента. Нью-Йоркская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, имплементированный во многих юрисдикциях, способствовали существенному сближению подходов к действительности арбитражных соглашений и исполнению арбитражных решений. в результате, если стороны договорились об арбитраже по правилам Международной торговой палаты, ЮНСИТРАЛ или иного авторитетного института, в большинстве государств соответствующее арбитражное соглашение будет признано, а итоговое решение – приведено в исполнение, за вычетом узко толкуемых оснований для отказа. Такая конструкция заметно снижает риск обращения к «домашнему суду» и разнохарактерных процедур рассмотрения спора. в правоприменительной практике и доктрине арбитраж рассматривается как предпочтительный способ разрешения споров в международном строительстве (Дженкинс, 2021; Клии, 2018). Основные принципы современного арбитражного права – принцип kompetenz-kompetenz (компетенции арбитража разрешать вопросы собственной компетенции), окончательность решения, а также автономия сторон в выборе арбитров и процедурных правил – постепенно интегрируются в складывающуюся транснациональную конструкцию «Lex constructionis».

Концепция «Lex constructionis» опирается на общие принципы транснационального договорного права, которые получили широкое признание в национальных правопорядках и международных унификационных актах. к числу таких принципов относится, прежде всего, автономия воли сторон, предполагающая их свободу выбирать применимое право и механизм разрешения споров по договору.

Большинство юрисдикций допускают, что стороны в коммерческих отношениях самостоятельно определяют право, регулирующее договор, и могут передать споры на рассмотрение международного арбитража или иностранных судов, хотя реализация этого принципа ограничивается требованиями публичного порядка и императивными нормами. в праве Европейского союза соответствующие подходы отражены, в частности, в Регламенте «Рим I» о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, а в национальных законодательствах – в специальных законах об арбитраже и нормах гражданского процессуального права. Признание автономии воли способствует сближению правопорядков в одном из важнейших юрисдикционных вопросов: договорные оговорки о подсудности и применимом праве, как правило, подлежат уважению, если не затрагивают охраняемый публичный интерес (Кремнев, 2021). Даже в правовых системах с повышенной чувствительностью к суверенитету публичных субъектов прослеживается тенденция к более последовательному признанию арбитражных оговорок, в том числе в договорах с участием государства, что в целом соответствует идеи нейтрального форума и автономии сторон, которую в доктрине связывают с концепцией «Lex constructionis».

Ещё одним важным элементом сближения подходов выступает расширение круга арбитрабильных споров и, соответственно, более узкое понимание исключений из арбитрабильности, связанных с публичным порядком. Во многих государствах законодательство об арбитраже было модернизировано таким образом, чтобы допустить передачу в арбитраж более широкого круга коммерческих споров, включая сложные строительные споры с техническими и финансовыми особенностями. Судебная практика в ряде юрисдикций демонстрирует стремление толковать основания для отказа в рассмотрении дела арбитражем или для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, в том числе оговорку о публичном порядке, максимально ограничительно, чтобы не подрывать действие действительных арбитражных соглашений. в результате вопросы, связанные с недобросовестным поведением сторон, например мошенничеством или взяточничеством в связи с реализацией строительного проекта, всё чаще рассматриваются в арбитраже, тогда

как оценка соответствия результата императивным требованиям публичного порядка переносится на стадию признания и исполнения решения. Такая эволюция соответствует закрепившемуся в современной доктрине подходу, согласно которому арбитраж рассматривается как способ разрешения даже сложных трансграничных споров, что является одним из фундаментальных условий унификации юрисдикционных подходов в рамках «Lex constructionis» (Клии, 2018).

Важным «двигателем» унификации выступает стремление к более явной кодификации принципов, которые в доктрине объединяются понятием «Lex constructionis». Исследователи и практикующие юристы пытаются выявить общие нормы, вытекающие из арбитражных решений, условий типовых договоров и национального законодательства. в работе П. Лутса и Д. Шаррета предлагается систематизированный перечень основных принципов международного строительного договора, охватывающий ключевые аспекты: общие обязанности сторон (в том числе добросовестность и сотрудничество), распределение рисков, регулирование сроков исполнения (право на продление сроков при задержках, требование своевременного уведомления о претензиях), порядок расчётов и возмещения затрат, обеспечение качества и механизмы разрешения споров (Лутс, Шаррет, 2022). в этот перечень включены и юрисдикционные положения, такие как обязательность попытки мирного урегулирования или адьюдикации до обращения в арбитраж, исполнимость промежуточных решений (в том числе решений DAB/DAAB) до окончательного разрешения спора и признание окончательного характера арбитражного решения. Хотя указанные принципы не закреплены в международной конвенции и остаются доктринальным предложением, сам факт их разработки свидетельствует о движении к консенсусу относительно наилучших практик. по мере того как арбитражные трибуналы обращаются к подобным доктринальным перечням и к собственной предыдущей практике при разрешении аналогичных дел, усиливается единообразие подходов в спорах, связанных с международными строительными контрактами.

Взаимодействие международных институтов также способствует выработке более согласованного подхода к юрисдикции в строительных

спорах. МФИК в своей деятельности ориентируется на сотрудничество с арбитражными центрами, включая Международную торговую палату, с тем чтобы согласовать положения типовых контрактов с действующими арбитражными регламентами, в частности в части многоступенчатых оговорок и постоянно действующих Комиссий по предупреждению и урегулированию споров (DAAB). в доктрине высказываются предложения о создании специализированного международного форума по разрешению строительных споров, который мог бы функционировать при участии МФИК и Международной торговой палаты и вырабатывать последовательную практику по делам, связанным с крупными инфраструктурными проектами (Жариков, 2025). Проведение параллели с ролью Спортивного арбитражного суда в формировании условно обозначаемого комплекса *lex sportiva* позволяет представить, каким образом подобный специализированный институт мог бы способствовать структурированию «*Lex constructionis*». Хотя соответствующие инициативы пока остаются на концептуальном уровне, сам факт их обсуждения в научной и практической среде подчёркивает потребность в институциональных механизмах поддержки и развития «*Lex constructionis*».

Унификационные процессы заметны и в сфере «мягкого права» и модельных актов. Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и УНИДРУА пока не приняли специальных конвенций, посвящённых строительным контрактам, однако разработанные ими универсальные инструменты – прежде всего Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА – используются при толковании строительных соглашений и задают единые ориентиры в части общих договорных стандартов. Значимую роль играют и региональные инициативы, такие как Единообразный закон об арбитраже в рамках OHADA в Африке или региональные арбитражные и процессуальные протоколы в объединениях государств Юго-Восточной Азии. Включение в эти акты современных положений о признании арбитражных соглашений, исполнении решений и автономии воли сторон отражает общую мировую тенденцию и способствует формированию более однородной правовой среды, в которой применяются международные строительные контракты.

Практика конкретных дел демонстрирует как сохраняющиеся различия, так и поступательное движение к унификации юрисдикционных принципов. Так, в индийском деле Oil and Natural Gas Corporation Ltd. v. Saw Pipes Ltd. Верховный суд Индии, рассматривая спор, связанный с поставкой оборудования для крупного инфраструктурного проекта, существенно расширил понимание основания «противоречие публичному порядку» и признал возможным отмену арбитражного решения по мотиву ошибки в применении материального права, что в последующем оценивалось в доктрине как пример чрезмерно жёсткого судебного контроля за арбитражем. Одновременно в ряде государств Ближнего Востока в начале 2000-х годов действовали нормы, требовавшие специального правительственного разрешения на передачу государственных контрактов в арбитраж, что приводило к признанию арбитражных оговорок недействительными и подтверждало высокий уровень вмешательства государства в споры, связанные с инфраструктурными проектами. В дальнейшем, под влиянием необходимости привлечения иностранных инвестиций и с учётом унификационных моделей, многие из этих ограничений были пересмотрены: в 2010-е годы, в частности, были приняты новые арбитражные законы в Катаре, Объединённых Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии, опирающиеся на принципы Типового закона ЮНСИТРАЛ и существенно сближающие национальные подходы с международными стандартами, что укрепило правовую базу для использования арбитража в строительных проектах.

Показательными в отношении многоступенчатых оговорок являются решения Международной торговой палаты по делам, основанным на условиях контрактов МФИК. В ряде дел, в том числе ICC Case No. 16948 (окончательное решение 2011 года) и ICC Case No. 15751 (частичное решение 2013 года), арбитражные трибуналы исходили из того, что предусмотренная контрактом последовательность стадий – обращение в Совет по урегулированию споров (DAB/DAAB) с последующим ожиданием установленного срока и только затем инициирование арбитража – имеет обязательный характер для сторон. Несоблюдение данных процедур рассматривалось не как простой процессуальный дефект, а как нарушение договорных обязанностей, влекущее либо приостановление арбитражного разбирательства до завершения стадии

DAB/DAAB, либо ограничение объёма возможной судебной защиты. Такая линия подтверждает, что многоступенчатые механизмы разрешения споров, закреплённые в типовых формах МФИК, воспринимаются международным арбитражем как существенный элемент договорного режима и, тем самым, как важная составляющая складывающейся практики «Lex constructionis».

Другой важный пример касается исполнимости решений DAB/DAAB. в судебной и арбитражной практике ряда государств, включая государства Азии и Европы, суды поддерживали арбитражные решения, обязывавшие стороны выполнить решение DAB/DAAB до окончательного разрешения спора по существу, тем самым подчёркивая значимость соблюдения промежуточных процедур разрешения споров, предусмотренных контрактом. в отдельных юрисдикциях, например в Англии и Швейцарии,рабатываются подходы, позволяющие придавать решениям DAB/DAAB обязательную силу либо через их прямое исполнение, либо через вынесение арбитражных решений, подтверждающих обязательность таких решений. в совокупности это способствует формированию принципа, согласно которому решения DAB/DAAB подлежат добросовестному исполнению или оперативному подтверждению в арбитраже, что соответствует замыслу МФИК и находит поддержку в правоприменительной практике различных государств.

Одновременно прослеживается постепенное сближение подходов даже в наиболее сложных ситуациях, связанных с параллельными разбирательствами в разных форумах. в крупномасштабных проектах нередки случаи, когда взаимосвязанные вопросы рассматриваются в разных юрисдикциях, например взыскание по банковской гарантии – в государственном суде, тогда как основной спор по контракту находится в производстве международного арбитража. в доктрине и практике усиливается понимание необходимости минимизировать подобную параллельность, чтобы избежать противоречивых решений и неопределенности для сторон (Лутс, Шаррет, 2022). в частности, Международная торговая палата модернизировала свои арбитражные правила, усовершенствовав положения о консолидации связанных споров и присоединении дополнительных сторон, что позволяет

объединять несколько производств в рамках одного арбитража. Ряд национальных судов, столкнувшись с ситуацией одновременного рассмотрения смежных требований, стал чаще приостанавливать производство по искам, если между теми же сторонами уже инициирован арбитраж по связанному вопросу, во избежание вынесения противоречащих друг другу решений. Указанные меры способствуют более согласованному разрешению споров, даже когда задействованы различные юрисдикции и процессуальные режимы.

Наконец, существенное влияние на споры, вытекающие из строительных контрактов, оказывает инвестиционный арбитраж, прежде всего в рамках механизмов, основанных на двусторонних и многосторонних инвестиционных соглашениях. Крупные подрядчики и иные инвесторы нередко используют возможность предъявления требований к государству-заказчику в связи с реализацией инфраструктурного проекта, в том числе при досрочном расторжении контракта или изменении регуляторных условий. Инвестиционные трибуналы рассматривают такие споры с позиции международного публичного права, при этом их подходы к добросовестному исполнению договоров, справедливому и недискриминационному отношению к инвестору, уважению арбитражных оговорок и иных условий контракта во многом созвучны принципам, обсуждаемым в рамках «Lex constructionis» (Вердье, Верстиг, 2015). в известных делах, связанных с квалификацией крупных строительных проектов как инвестиций, арбитражные трибуналы формулировали критерии, позволяющие отнести соответствующие договоры к сфере инвестиционного права, одновременно акцентируя значение соблюдения условий контракта, включая договорённости о форуме разрешения споров. Такое взаимопроникновение коммерческого и инвестиционного арбитража способствует укреплению единых подходов: государства получают дополнительный стимул учитывать международно признанные стандарты при заключении и исполнении строительных контрактов, понимая, что игнорирование этих стандартов может повлечь ответственность на уровне международного публичного права.

Прослеживаемая эволюция концепции «Lex constructionis» свидетельствует о постепенном формировании более унифицированных юрисдикционных подходов в международном строительном контрактном праве. К ключевым элементам этой унификации относятся: преобладающее использование международного арбитража по сравнению с государственными судами для разрешения споров по трансграничным строительным проектам; признание автономии воли сторон при выборе нейтрального применимого права и форума; институционализация многоступенчатых процедур урегулирования споров (переговоры, адьюдикация, арбитраж) как стандартной практики в типовых контрактах; а также постепенное согласование указанных механизмов частной автономии с требованиями национального публичного порядка (Лутс, Шаррет, 2022; Дженкинс, 2021). Вместе с тем сохраняются и препятствия, включая отдельные устаревшие ограничения во внутренних законодательствах и отсутствие полной ясности во вопросах взаимодействия транснациональных договорных конструкций с нормами национального права. Тем не менее накопленная практика и доктринальные исследования позволяют говорить о тенденции к конвергенции, то есть к постепенному сближению подходов различных правопорядков к юрисдикционным вопросам в международном строительстве.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что взаимодействие частной автономии и публичных интересов в расс

матриваемой сфере постепенно приобретает более сбалансированный характер. Вместо жёсткого противопоставления «частного» и «публичного» права современная практика всё чаще стремится к синтезу: стороны в значительной степени свободны определять применимое право и механизм разрешения споров, но эта свобода ограничивается необходимостью защиты фундаментальных публичных интересов, таких как безопасность, законность и права третьих лиц (Кремнев, 2021). В этой связи «Lex constructionis» не подменяет национальное право, а выступает инструментом его гармонизации с глобальными стандартами в области договорных и юрисдикционных механизмов. Как видно из рассмотренных примеров, суды

и арбитражные трибуналы в различных правопорядках всё чаще опираются на сходные принципы при разрешении споров по международным строительным контрактам. Международные типовые контракты и арбитражные договоры играют роль связующего звена между правовыми системами, формируя наднациональную рамку регулирования, выходящую за пределы отдельно взятой юрисдикции, но при этом учитывая её императивные требования.

Для более полного раскрытия потенциала концепции «Lex constructionis» необходимы дальнейшие согласованные усилия научного сообщества, международных организаций и национальных законодателей. Научная кооперация, направленная на систематизацию универсальных принципов регулирования международных строительных контрактов, способна облегчить их восприятие судами и арбитражами и придать соответствующим подходам большую предсказуемость. Такие структуры, как МФИК и Международная торговая палата, теоретически могли бы развивать специализированные регламенты или институциональные механизмы разрешения строительных споров, что способствовало бы единообразию решений. Национальным правопорядкам, в свою очередь, целесообразно поддерживать унификацию путём постепенного приведения внутренних норм в соответствие с международно признанными лучшими практиками, включая более чёткое регулирование статуса и исполнимости решений DAB/DAAB до окончательного разбирательства по существу – аналогичные изменения уже реализованы в ряде государств (Дженкинс, 2021; Клии, 2018). Как справедливо подчёркивают В. Варавенко и М. Ниязова, адаптация международных стандартов к национальному праву требует комплексного правового и экономического анализа, однако при грамотной реализации существенно снижает юридические трения и транзакционные издержки в трансграничных проектах (Варавенко, Ниязова, 2022).

Подводя итог, можно сделать вывод, что унификация юрисдикционных принципов, связываемая в доктрине с концепцией «Lex constructionis», способствует повышению предсказуемости и справедливости в международных строительных отношениях. Сближение подходов

к выбору применимого права и форума, а также к структуре многоступенчатых процедур разрешения споров снижает возможности для выбора «удобной» юрисдикции и инициирования дублирующих процессов, упрощает и ускоряет разрешение конфликтов и укрепляет уверенность сторон в том, что согласованные ими механизмы – прежде всего арбитраж – будут признаны и реализованы в основных юрисдикциях. в долгосрочной перспективе такая гармонизация способна уменьшить транзакционные издержки и риск-премии при реализации инфраструктурных проектов за рубежом. Хотя «Lex constructionis» остаётся развивающейся доктринальной конструкцией, её институциональные контуры становятся всё более различимыми: происходит сближение стандартных условий контрактов, арбитражной и судебной практики, а также научных подходов в направлении более согласованной модели правового регулирования международного строительства. Это развитие объективно выгодно основным участникам – государствам, инвесторам, подрядчикам, – поскольку создаёт более стабильную и прозрачную правовую среду для сложной, многоплановой деятельности в сфере международного строительства.

Примечание о публикации основных научных результатов

Научная специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки.

Юрисдикция в международном праве.

Список источников

1. Бакош, А. (2024). Значение и регулирование контрактов на общественные работы в Европейском союзе: исследование стандартов FIDIC. В: The Challenges of Multicultural Representation: Literature, Discourse and Dialogue (стр. 135–157).
2. Брайг, Б., и Мутай, И. М. (2016). Res publica и res mercatoria в проформах FIDIC и ГК РФ. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, (1), 111–144.

3. Вердье, П. Х., и Верстиг, М. (2015). Международное право в национальных правовых системах: эмпирическое исследование. Америкэн джорнал оф интернэшнл ло, 109(3), 514–533.
4. Варавенко, В. Е. (2012). Перспективы применения типовых договоров Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) в практике публичных закупок в России. Международное публичное и частное право, (1), 10–13.
5. Варавенко, В. Е., и Ниязова, М. В. (2022). Экономико-правовой анализ инструментов адаптации типовых договоров FIDIC к российскому праву. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета, 14(4), 35–50.
6. Гурина, В. А. (2016). к вопросу о выборе права, подлежащего применению к договорам международного строительного подряда. Теория и практика современной юридической науки, 3, 80–83.
7. Дженкинс, Д. (2021). Международный арбитраж по строительным спорам (3-е изд.). Клувер Ло Интернешнл.
8. Жадан, В. Н. (2016). к вопросу о взаимодействии и сотрудничестве России с международными организациями. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, (3–3), 33–37.
9. Жариков, А. (2025). Lex constructionis: несостоявшаяся концепция транснационального строительного права? Констракшн ло джорнал, 41(3), 99–114.
10. Кле, Л. (2018). Международное договорное право в строительстве. Джон Уайли энд Санс.
11. Кремнев, П. П. (2021). Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 12(3), 783–802.

12. Лутс, П., и Шаррет, Д. (2022). Договоры для инфраструктурных проектов. Информа Ло (Рутледж).
13. Сулимов, Н. Ю. (2024). Сравнение подходов к урегулированию споров в строительных проектах между заказчиками и подрядчиками в России и Беларусь с использованием FIDIC. *Закон и Власть*, (1), 112–117.

© 2025 Международное строительное право